

В ЛЕНИНГРАД он приехал двадцатидвухлетним, актером стал в восемнадцать.

...Перед началом нового театрального сезона в Рижском ТЮЗе режиссеры Адольф Шапиро и Николай Шейко просматривали молодых актеров. Гвоздицкого никто не знал — недавний выпускник Ярославского театрального училища на сцене еще не играл. Монолог Хлестакова, отрывок из гоголевского «Портрета», сцена из водевиля А. Ф. Кони «Беда от нежного сердца». Показ поразил — никакой заданности, органики, простота отточенной формы, природный артистизм. Гвоздицкого без колебаний прижали в труппу.

По-разному начинают молодые актеры. Гвоздицкий учился в Риге.

Рижские уроки стали для молодого актера творческой школой — не одного мастерства, но самой жизни в искусстве. Они еще не раз отзовутся в его работах и в самом взгляде на профессию.

В Ленинграде он начал с ввода на роль Персине в спектакле «Романтики». Присутствовавший на одном из представлений драматург Арбузов обратил внимание на актера, владеющего стилем иронической, изящно-пародийной игры, и спросил: «Откуда он это знает? Точно был во Франции Ростана и превосходно чувствует мир автора».

Но, пожалуй, главный экзамен он держал в спектакле «Одна ночь» — о людях ленинградской блокады. Не потому, что роль мальчика была такой уж значительной. Это был спектакль корифеев труппы, очень дорогой для них, овеянный личными воспоминаниями о пережитом. И, может быть, важнее прочих оценок воспоминание Елены Владимировны Юнгер, которая рассказала, с какой самоотдачей, воспримчивостью и художественным тактом работал актер над ролью.

Позже они станут партнерами, и Юнгер, актриса акимовской школы, отметит редкое совпадение виртуозного индивидуального стиля Гвоздицкого с искусством мастеров ее поколения.

Спектакль «Лес» уже не идет на сцене, но остался в памяти эксцентрически резкий, поражающий ясностью внутренней сути характер Буланова. Режиссер развенчивал людское лицедейство, и на наших глазах недоучившийся гимназист Буланов проходил полный курс приспособления к «предлагаемым обстоятельствам». Гвоздицкий играл дерзко и страшно, обращаясь к непосредственному чувству зрителей. Меняя пластику, жесты, примеривал костюмы и улыбки и в непрерывной динамике, ставшей стержнем роли, приближался от лика лебезящего, испуганного подростка к образу альфонса при Гурмыжской, «земскому начальнику», хозяину поместья. Можно было бы восхититься изощренной формой роли, но тут мы имели дело с познанием человека, подноготной о нем правды.

Еще в Риге Гвоздицкий мечтал сыграть Чацкого и даже готовился к роли. Спектакль не состоялся. В Ленинграде он получил роль Альцеста в «Мизантропе» Мольера. Известно, что образы эти близки, недаром современники называли Чацкого русским Альцестом.

Странный человек в наглухо закрытом пальто, с длинным, наломанном современном шарфом, однажды петлей удавкой обвившим шею, говорил людям правду, его называли человеконенавистником. Он не хотел лгать, его призывали не впадать в крайность и соблюдать меру. Он любил людей и надеялся пробиться сквозь стену глухоты, от него отворачивались. Боль и страдание своего героя актер ощутил в мелодии стиха и вышел к зрителям, адресуя им огромные монологи, находя в самом их строе оправдание чувствам Альцеста.

Волею обстоятельств потом наступил перерыв в исполнении роли. Когда же Гвоздицкий к ней вернулся, уже не было и следа нервной романтической ноты. Трагическое

одиночество играет теперь трезво, с горьким сознанием безысходности, как доля человека, отвергнутого враждебным ему обществом. То ли время уже не нуждалось в романтическом герое, то ли нашлись внутренние доводы, чтобы играть роль по-новому. Скорее всего, и то и другое. Однако немаловажно, что между двумя «редакциями» Альцеста Гвоздицкий прикоснулся к Пушкину.

Это произошло в спектакле режиссера Камы Гинкаса «Пушкин и Натали», поставленном в мастерской молодого актера при Ленинградском отделении ВТО.

В небольшом зале вблизи от зрителей стоял молодой человек в джинсах, свитере и светлой жилетке, чертами лица неуловимо напоминавший поэта. С ним были: портрет Натали Николаевны, вечаль-

бок в комедии Мережко «Мельница счастья». Там — поэтическая вера в чудеса и неприменный добрый конец, здесь — масочная выразительность социального типа, виртуоза мимики, хамелонства, чей страх и неуверенность выдают только беспокойно бегающие глаза, которым персонаж хотел бы, да не может придать выражение преданности.

Счастливая потребность уметь, то есть быть профессионалом, отличает искусство Гвоздицкого. Скажем, теперь уже нередки похвалы пластике молодых актеров. Но пластика Гвоздицкого далека от повседневной, не раскладывается на сумму приемов, не раскрывается деталями житейские характеры. В лучших работах актера пластика театрально, это действие в пространстве сцены, объединяющее жизнь че-

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

«Верю

В торжество театра»

Гвоздицкого спросили, в чем его театральная вера! Он вопросу не удивился и ответил: «Верю в торжество театра, в его творческую силу. «Загреб золы из печки, дунул и создал ад», — сказал поэт о Данте. Таков и театр, которому хочу служить».

Виктор Гвоздицкий играет на сцене Ленинградского академического театра комедии, созданного талантом и волей Николая Павловича Акимова. Основателя театра он не застал, но его творческий завет — театральность как изначальное и неотъемлемое богатство сцены — принял полностью.

ные цветы и свеча, колода игральные карт, плетеная шкатулка и стопка писем к разным адресатам — невесте, ее матери, близким друзьям, недругам, кредитору, шефу жандармов. Что их связывало? Принадлежность одному лицу? Но этого мало, чтобы претендовать на целое. Единство художественного произведения основано на строе. Как говорил Толстой, на «самобытном нравственном отношении автора к предмету... И строй, и отношение должен был явить актер. Тут-то и наступило время театра, когда можно «дунуть и создать...»

В разноголосице писем Гвоздицкий уловил конкретную реальность — жизнь Пушкина с людьми и на людях, и уникальную пластичность — от серьезного, подчас трагического к шутке, от быта к защите чести, от исповеди к светской учтивости, от крика души к иронии, от праздника жизни к «бездне мрачной». Одно состояние души переливалось в другое, не камня, без завершающих точек, но все они составляли контекст для главного — творчества. А стихов не было вовсе. И тогда все увидели предел, по одну сторону которого — хаос жизненных обстоятельств, трагический разлад с обществом, которое хотело бы подорвать поэта под удобопонятную «норму», а по другую — гениальные стихи. Поле напряжения было громадно, но только иногда, в паузах, мы видели, как ищет Пушкин поддержки то в народной песне, то в картонном гадании, то просто в тепле горящей свечи... Тайна оставалась внутри личности, способной сохранить верность себе и превратить далекий от идеала мир в гармонию искусства.

Между тем в Театре комедии Гвоздицкий разрабатывал искусство театральной маски. Возможности маски огромны, но путь к овладению ею непрост.

Одно дело — маска волшебника в шелковом кафтоне, с неприменным зонтиком, андерсеновского Оле-Лукойе, изящно дирижирующего сказочными небылицами, другое — Гра-

ловческого тела и духа. Пример тому роль Тома в спектакле режиссера Г. Яновской «Стеклянный зверинец» по пьесе Тенниса Уильямса в Малом драматическом театре.

Может быть, это самая личная и выстраданная роль Виктора Гвоздицкого. Мальчишкой, после окончания восьмилетки, уехал он из небольшого городка в Краснодарском крае и наперекор родительскому желанию посвятил себя сцене. Уже играл в театре, слышал похвалу таланту, а родные все еще ждали его возвращения и даже подыскивали «нормальную» работу. Каким же важным оказалось неутраченное чувство вины для проникновения в образ Тома!

...Если бы он мог, как его мать Аманда, жить прошлым; надеяться на эфемерное будущее и лихорадочно приукрашивать нищету голого дома! Если бы мог смириться, как сестра Лаура, и найти поэзию в стеклянных зверушках! Или сразу, не дожидаясь предела, бросить, как отец, «пока!» и бесследно исчезнуть... Но судьба выбрала ему вечную муку разрывов и возвращений, нетерпения сердца и полного осознания предательства. Вот почему, едва Том «взлетит», как уже слышен грубый грохот его сапог вниз. И пусть он уговаривает себя и нас, что человеческая трагедия всего лишь «пьеса, пьеса!», последние наши переживания остаются молящий голос Тома: «Задуй свечи, Лаура!», освободи от воспоминаний!

Виктор Гвоздицкий — ленинградский актер. И потому, что в его психологической природе и облике проглядывают знакомые черты молодого человека, чья исповедь многое могла бы сказать о времени. И потому, что взгляд на профессию овеян традицией. Обнажает ли он до предела характер в искусстве маски или устремляется к изменчивой глубине человеческой души, он творит как художник, доверяя всего себя гибким формам театра.

Т. ЛАНИНА,

театральный критик

● В. Гвоздицкий — Альцест.

Фото Е. Смирнова

